

стну, а находятся в прямой и непосредственной зависимости от помещика, которому в отношении их и присвоится вся власть, предоставляемая сельскому начальству и начальнику общества. Дворовые дурного поведения, бродяги, неплательщики и нерадивые могут быть отдаваемы в рекруты в зачет и без зачета, по приговору общества, утвержденному помещиком. Дворовые за неповиновение помещику, подвергаются по требованиям его, взысканиям общими полицейскими мерами. Уплата за дворовых людей казенных податей и повинностей возлагается на обязанность помещика. Помещик ссрочно-обязанного периода сохраняет право, по своему усмотрению, назначать дворовых людей в личную прислугу к себе и своему семейству, определять к какой-либо должности по хозяйству, возлагать отправление разных работ и отпускать на оброк по письменным видам. Дворовые обязаны уплачивать помещику оброк или, получая от него содержание и вознаграждение, должны отправлять возлагаемые на них обязанности и работы. Размѣръ оброка зависит от обоюдного соглашения или же налагается по усмотрению помещика, но не свыше определенной комитетом суммы. Определение размѣра ежегодного оброка должно быть соразмерно выкупной суммѣ, распределенной на года ссрочно-обязанного периода с причислением к оброку процентов на разсроченную выкупную сумму. Дворовые люди незаплатившие оброка, по желанию помещика, возвращаются вновь на службу при имѣнии и лишаются права на получение жалованья. Находящиеся при домѣ помещика дворовые люди пользуются от него помѣщеніем, отопленіем, пищею и одеждою. Тѣ же изъ нихъ, которые занимаютъ какия-либо должности, получаютъ определенное жалованье. Дворовые, состоящие на мѣстномъ положеніи, получаютъ въ мѣсяцъ на каждого взрослого, считая отъ 15 лѣтъ ржаной муки 1½ пуда, крупъ 2 гарнца, отъ 15 до 10 лѣтъ — 1 пудъ 10 ф. ржаной муки и крупъ 1 гарнецъ, отъ 10 лѣтъ до 3-хъ, 1 пудъ ржаной муки и ½ гарнца крупъ. Находящиеся же на застольномъ содержаніи получаютъ пищу здороваго качества и въ достаточномъ количествѣ. Помѣщику, кромѣ того, вѣдается въ обязанность дворовыхъ людей, состоящихъ у него въ услуженіи и при должностяхъ снабжать слѣдующею одеждою: мужчинамъ — полушубокъ овчинный, на 3 года, кафтанъ и шаровары изъ крестьянскаго сукна на 2 года и ежегодно на 3 рубашки и лѣтніе панталоны замашнаго холста 25 арш.; женщинамъ: овчинная шуба на 4 года, коматный женскимъ ежегодно 2 верхнихъ платья и на рубашки по 20 арш. замашнаго холста, прочимъ женщинамъ по 2 сарафана и свиту изъ крестьянскаго сукна на 2 года. Тѣ же дворовые люди, которые пользуются огородами и дозволеніемъ отъ помещика на его корму имѣть 1 корову и 5 овецъ на семью, одежды не получаютъ. На время ссрочно-обязаннаго положенія помещику предоставляется увольнять дворовыхъ семействами и отдѣльными лицами съ выкупомъ или безъ выкупа, лишь бы увольняемое лицо или одинъ изъ семейства увольняемаго имѣлъ не менѣе 18 и не болѣе 55 лѣтъ и былъ способенъ къ работѣ. Курскій комитетъ для дворовыхъ людей установилъ выкупъ. Для выкупа всѣхъ дворовыхъ — мужчинъ и женщинъ комитетъ раздѣлитъ на 3 разряда: къ первому онъ отнесъ обученныхъ особеннымъ искусствамъ и мастерствамъ, музыкантовъ, учениковъ земледѣльческихъ школъ, ученыхъ фельдшеровъ, ученыхъ садовниковъ, искусныхъ поваровъ, машинистовъ, селитроваровъ, сахароваровъ, ученыхъ наѣздниковъ, портныхъ и т. д. Вышепоименованные дворовые люди въ продолженіи 16 лѣтъ непремѣнно должны оставаться въ услуженіи помещика. По истеченіи этого срока, если пожелаютъ приобрести свободу, должны внести за исключеніемъ пятой части, остальную сумму стоимости ихъ образованія.

Ко второму разряду причисляются дворовые обучаеые какому-либо ремеслу дома или отдаваемые мастерамъ для обученія въ годы: садовники, вышивальщики, пивовары, столары, бродяги, кузнецы, портные, портняжники и др. Они вносятъ за себя при выкупѣ — мужчины 200 р., а женщины 60 руб.

По основаніи постановленій о дворовыхъ людяхъ комитетомъ принято измѣненіе нѣкоторыхъ нѣсколько, насколько оно должно

быть согласно съ понятіемъ о прочно обязательной ихъ службѣ помещикамъ. Курскій комитетъ въ своемъ проэктѣ утверждаетъ, что размѣръ ежегоднаго оброка опредѣленъ съ возможностью умѣренности, точно также и мѣры взысканія, предоставляемыя или приговору общества или въ случаяхъ болѣе важнымъ мѣстному начальству. Затѣмъ жадованье и содержаніе дворовыхъ, дѣлающія отнынѣ обязательнымъ для помещика на все переходное время, назначены комитетомъ примѣнительно какъ къ количеству слугъ, нуждающихся и теперь въ мѣстахъ служенія, такъ и самихъ обязанностей ихъ. При чемъ, говоритъ комитетъ, нельзя было не принять въ соображеніе и того, что до сихъ поръ у весьма немногихъ помещиковъ, домашняя прислуга пользовалась жалованьемъ; но оно считалось не обязанностью, а скорѣе наградою за службу со стороны помещика. Наконецъ, имѣя въ виду постепенное освобожденіе дворовыхъ людей въ теченіе ссрочно-обязаннаго периода отъ всякой обязательной службы, составлены, какъ говоритъ комитетъ, правила и способы перехода дворовыхъ въ свободныя сословія, допустивъ къ тому *мѣры облегченія*, какія только въправѣ комитетъ былъ постановить, не подвергая на первое время затрудненіямъ и самимъ помещикамъ.

Положенный денежный взносъ за отчужденіе обязательной службы дворовыхъ помещику назначенъ, по словамъ курскаго комитета, въ пропорціи умѣренной, сообразно должности и способности каждаго лица. При этомъ случаѣ въ видахъ поощренія для тѣхъ изъ дворовыхъ, которые съ успѣхомъ обучались какому-либо ремеслу или искусству опредѣлить: съ взносомъ или выкупной суммы помещику, оставлять пятую часть въ пользу освобождаемаго. По точному смыслу справедливости, предоставлено владѣльцамъ увольнять только тѣхъ изъ дворовыхъ людей, которые въ состояніи прокормить и содержать себя съ семьею. Всѣ престарѣлые и увѣчные равно вдовы и сироты немогущіе себѣ свискивать пропитаніе предоставляются попеченію помещика. Постановляя это, комитетъ имѣлъ въ виду не обременять ни общества ни правительства заботою о людяхъ, требующихъ пріятія, предоставивъ обязанность поощрять о такихъ самими помещикамъ, пріятія однихъ до смерти, а другихъ до совершеннотѣтства.

Вообще — говоритъ курскій комитетъ, постановленія о дворовыхъ мы старались развить въ мѣрахъ постепенности, необходимой сколько для освобождающихся, недостаточной еще приговоренныхъ къ переходу въ свободное состояніе, сколько же и для самихъ владѣльцевъ, не лишая ихъ разомъ необходимой на первое время прислуги.

Анатолий Танкоффъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Антонъ Григорьевичъ Рубинштейнъ.
Его автобіографія въ «Русской Старинѣ» и воспоминанія о немъ его знакомыхъ.

Въ сентябрѣ 1867 г. А. Г. оставилъ консерваторію, разойдясь во взглядахъ съ нѣкоторыми ея профессорами; «притомъ», замѣчаетъ о себѣ А. Г., «я, дѣйствительно, человекъ темперамента пылкаго, да и крутъ; а горячо все беру къ сердцу, потому что горячо люблю самое дѣло... Какъ въ бытность въ консерваторіи, такъ и послѣ во всю жизнь я продолжалъ давать концерты. Давать ихъ повсюду въ Европѣ: не довелось быть только въ Румыніи, Греціи и Турціи. Относительно благотворительныхъ концертовъ довелось давать ихъ также не мало, но тутъ замѣчу одну особенность нашего русскаго общества. Въ Россіи вообще часто доводилось мнѣ давать концерты въ пользу учащихся и притомъ всевозможныхъ учебныхъ заведеній, между тѣмъ ни одного разу не довелось этого дѣлать за предѣлами Россіи, и не пришлось потому, что съ такими просьбами не обращались ко мнѣ... Тамъ за границей, когда я давалъ концерты съ благотворительною цѣлью, то это обыкновенно было въ пользу бѣдныхъ обитателей того или другого города, либо по случаю какого-либо мѣстнаго бѣдствія, либо по случаю какой-либо общественной нужды.

* Продолженіе см. № 90-й.

въ пользу фонда артистовъ и т. п., но въ пользу учащихся нигдѣ, кромѣ Россіи, не бывало, когда не просили играть». — Редакція *Русск. Старины* по этому поводу замѣчаетъ, что по собраннымъ ею справкамъ, по приблизительному расчету, Антономъ Григорьевичемъ собрано только въ Россіи и лишь со времени основанія консерваторіи около 300,000 руб. съ благотворительныхъ его концертовъ и отдано имъ на добрыя дѣла и учрежденія или въ пользу бѣдныхъ.

Въ 1872 г., вѣстѣ съ скрипачемъ покойнымъ Г. Венявскимъ, А. Г. принялъ приглашеніе одного антрепренера сдѣлать артистическое путешествіе по Соединеннымъ Штатамъ Сѣверной Америки. Въ пользу А. Г. было выговорено 200,000 франковъ. Этого заработка положилъ основаніе матеріальному обезпеченію А. Г., котораго раньше у него не было. Но гонораръ этотъ стоилъ большихъ трудовъ. На извѣстное время А. Г. поступилъ въ полное распоряженіе антрепренера. Въ теченіе восьми мѣсяцевъ пребыванія въ Америкѣ, онъ 215 разъ выходилъ на эстраду. Случалось, что концерты давались два-три раза въ день. Все это было на столько тяжело, — вспоминаетъ А. Г., — что я просто сталъ презирать и себя и искусство; все время собой былъ недоволенъ, такъ-что, когда, вѣскольکو лѣтъ спустя, мнѣ было сдѣлано предложеніе повторить мой объездъ Америки, причѣмъ предлагали гонораръ въ полмилліона марокъ за это музыкальное путешествіе, я на отръзъ отказался. Вспоминаая о своемъ путешествіи, А. Г. дѣлаетъ такое замѣчаніе относительно музыкальности различныхъ народовъ. «Хотя въ Германіи теперь преобладаетъ патриотизмъ... да и вся сила германцевъ нынѣ, увѣ, въ штыкахъ и единствѣ, тѣмъ не менѣе Германія все-таки, по моему мнѣнію, остается самою музыкальною въ свѣтѣ націей. Да вотъ какъ: если взять счетъ повиновенныхъ музыкѣ процентами на 100, то число нѣмцевъ равняется 50%, французовъ — 16%, англичане (самая немзыкальная часть всего человеческого рода) — 2%. Даже американцы гораздо болѣе англичанъ понимаютъ и любятъ музыку... Говорю это съ полнымъ безпристрастіемъ; ибо въ Англіи я всегда находилъ лично для себя самый радужный пріемъ. Собственно же музыка существуетъ только въ Германіи — именно музыка высокая... Истинное пониманіе высшихъ музыкальных произведеній нигдѣ, кромѣ Германіи... Въ общемъ же, при нынѣшнемъ въ Европѣ преобладаніи бисмарковщины съ одной стороны, вагнеровщины съ другой, когда всѣ идеалы стали вверхъ ногами, для музыки — я говорю о музыкальномъ творествѣ — положительно насталъ критическій моментъ! Знаніе техники сдѣлало гигантскіе шаги, но собственно музыкальное творчество, повторять, кончилось. Съ послѣдними дивными звуками Шопена оно умерло или обмерло, — на долго ли не знаю!»

Далѣе А. Г. говоритъ о своихъ операхъ, которыя ставились въ Россіи обыкновенно позже, чѣмъ за границей, и нѣкоторыя скоро сникли съ репертуара, о своихъ историческихъ концертахъ, данныхъ — по семи въ Петербургѣ, Москвѣ, Вѣнѣ, Берлинѣ, Лондонѣ, Парижѣ и Лейпцигѣ, и по три — въ Дрезденѣ и Брюсселѣ, причѣмъ въ первыхъ семи городахъ каждый историческій концертъ былъ данъ дважды, одинъ разъ для публики и на другой день для учащихся въ области музыки. Пріемомъ публики и вообще успѣхомъ, замѣчаетъ А. Г., повсюду я вполне былъ доволенъ; на физическое утомленіе я никакъ не могу жаловаться, а его не испытывалъ; не могу жаловаться и на свою память — многое изъ того, что я игралъ на этихъ концертахъ, изучалъ я съ самаго моего дѣтства. На изученіе остальнаго, что я игралъ впервые, и довольно много мнѣ оказалось достаточно одного дѣла...

Въ началѣ 1887 г. А. Г. сталъ опытною главѣ петербургской консерваторіи и тогда же, въ мартѣ, внесъ въ русское музыкальное Общество записку объ устройствѣ общедоступныхъ спектаклей и концертовъ, подавъ возможность съ одной стороны, творческимъ силамъ новыхъ русскаго художниковъ выступить со своими произведеніями, а съ другой публикѣ пользоваться и наслаждаться тѣми музыкальными дарованіями, которыя выдвигаются изъ нашихъ консерваторій. Къ тому же 1887 году относится проектъ А. Г. новаго устава